

вать кости господские и крестьянские» («Трутень», 1769, л. 24), третьему Новиков предлагает «в виду недостатка разума» «принимать всякий день по 10 золотников здравого рассуждения, по 8 унций охоты к чтению хороших авторов и беспрестанно нюхать порошок, прочищающий толстые перепонки, наросшие на его мозгу» («Трутень», 1769, л. 26).

Несомненно, что осмеянию общественных пороков с помощью пародийных рецептов Новиков придавал большое значение. Недаром писатель не механически включил указанный материал из «Трутня» в третье издание «Живописца» (1775 г.), но объединил его под заголовком «Лечебник», чем еще сильнее подчеркнул связь с рукописной демократической литературой. Одновременно издатель «Живописца», являющийся также автором помещенных в журнале статей, счел нужным несколько изменить композицию листов «Трутня». Он поместил тотчас же за описанием «болезни» прописываемые рецепты, чем придал им еще большую социальную направленность.

Веря, как просветитель, в силу человеческого слова, Новиков методом убеждения пытался повлиять, с одной стороны, на представителей господствующего класса, с другой, ставил своей целью с помощью распространяемых в демократической среде жанров пробудить сознание широких слоев читателей, лишенных гражданских прав.

Сочувствие Новикова мещанам и крестьянам явно сказывается и в его журналах. Всякий раз, когда писателю приходится сопоставлять между собой представителей высших и низших классов, он неизменно стоит на стороне последних. Положительными героями Новикова являются мещанин Правдолюбов, честный купец, справедливый подрядчик, трудолюбивый крепостной крестьянин. Природная одаренность простых людей отчетливо выявляется в их разговорах со знатными и чиновниками.

Так же как в сатирических диалогах рукописной литературы, мужик неизменно торжествует в произведениях Новикова над барином или барыней. Крестьянин-разносчик насмехается, например, над молодой развратной дворянкой Прелестой, над ее семейной жизнью («Трутень», 1769, л. 9). Мещанин Чистосердов оказывается куда более просвещенным, чем молодой дворянин, обучавшийся «в некотором славном немецком университете разным наукам» (там же). Идя рука об руку с неизвестными создателями рукописной демократической литературы, обличавшими крепостнический строй, Новиков уделил особенное внимание положению крепостных. В период с 1769 по 1772 г., накануне пугачевщины, когда крестьянский вопрос приобрел особую остроту, Новиков выступил с целым рядом замечательных статей, в которых отразил положение и настроение крепостной массы.

Установлена несомненная близость между напечатанными Новиковым в «Трутне» копиями с отписок крестьян и помещичьего указа (лл. 28 и 30) и подлинными документами. Образ многодетного крестьянина Филатки, разоренного непрерывными несчастьями (смерть жены, падеж скота, непомерные подати), начертан писателем с большой реалистической силой. Недаром Н. А. Добролюбов указывал: «Эти документы так хорошо написаны, что иногда думается, не подлинные ли это?»¹¹ В наше время А. В. Кокорев напечатал «Письмо крестьянина к своему помещику» и приказ последнего, которые и по содержанию и по форме близки к документам, помещенным в «Трутне».¹²

¹¹ Н. А. Добролюбов, Полн. собр. соч., т. II, ГИХЛ, 1935, стр. 167.

¹² А. В. Кокорев, Хрестоматия по русской литературе XVIII века. М., 1952, стр. 256.